

Переболев чумкой, моя собака потеряла рабочие качества и стала вовсе непригодной к охоте. Надо было подумать о замене: без надежного помощника в лесу делать нечего, одна морока. Расспросив кое-кого из охотников, записав адреса, я затеял по очереди навестить нескольких заводчиков, обеспечив себе право выбора, а не полагаться на случай.

Первым в ряду оказался знаменитый на всю округу обладатель лаек необыкновенной стати, которые, собственно, и прославили своего хозяина. Прозвище у него было «Шатун», о происхождении коего оставалось только догадываться: фамилия ли Шатунов? свойства ли характера? Вот к нему-то, в пригородную деревушку, куда пешком не более часа, я и отправился налегке.

***

...В ответ на повторный стук на порог шаткой походкой в галошах на босу ногу вышел высокий плотного сложения мужчина лет шестидесяти, слегка одутловатый, с зачесанными назад прямыми седыми волосами; на его голый торс был одет зеленый брезентовый плащ, очевидно заменявший домашний халат. Не то полупьяный, не то с похмелья, со словами «В добрый час гость», «дикий барин» неожиданно любезно пригласил меня в дом, усадил, выслушал и, чутко, до слезы, проникшись чужими заботами, великодушно пообещал не оставить в беде. Выяснилось, однако: щенки у его непревзойденной суки появятся только через месяц, но зато какие! Терпеливо выслушав все превосходные степени восхищения в адрес будущего помета, я согласился ждать: совестно было бы проявить неблагодарность в ответ на такую редкую в наше время обходительность.

Только мы стали прощаться, в окна ударили струи холодного осеннего дождя; поступило предложение переждать. Выбору промокнуть до нитки или остаться я предпочел благоразумие...

Дождь лил не переставая, ожидание затянулось. Мой благодетель уселся напротив меня и, обняв руками колени, понурил голову, уткнувшись в грудь небритым подбородком. Доносившиеся звуки непогоды разморили его: он даже всхрипнул негромко, как бы невзначай, но тотчас спохватился. Я не считал возможным его тревожить и без спросу взял со стола раскрытую книгу без обложки и нескольких начальных страниц. На пожелтевших полях книги выделялась памятка красным карандашом: адельфан – от давления, дигоксин – аритм. Взглянув на красное лицо «визави», зевая, я положил книгу на место. Чтобы как-то скоротать томительную паузу, поневоле оставалось разве что получше разглядеть комнату, в которой мы находились. Рассеянный взгляд сначала не мог ни за что зацепиться, но вот внимание мое привлекла наискось висевшая на стене темная шкура, явно выставленная на обозрение в качестве трофея; в серых полусумерках трудно было разобрать издали: волк? кабан? Любопытство подняло меня со стула, заставило надеть очки и решительно преодолеть-таки нелепо возникшую скованность поведения. Лишь приглядевшись внимательно я убедился, что на стене висит шкура медведя: когти, клыки, жесткая бурая шерсть – налицо все атрибуты редкого в наших краях зверя, не только добыть, но даже просто увидеть которого – мечта любого охотника. Заметив мой нефальшивый интерес к столь редкому трофею, хозяин встрепенулся, ожил и, как бы предупреждая

мое дальнейшее любопытство, с напускусным равнодушием пояснил: «Наш, местный, доморощенный. Шкура невелика, да памятна: бит чисто, с тридцати шагов свинцовой пулей. Было дело... За ужином расскажу... Надеюсь, проявите великодушие, не обидите отказом присоединиться?» – спросил он помедлив и, не дожидаясь ответа удалился в кухню, по-видимому раскусив мою мягкотелую склонность к соглашательству. Опять-таки приятно удивили непринужденность обращения и изысканность слога; оставалось проявить учтивость и терпеливо ждать ужина...

Деревенское угощение подкупало простотой, изобилием и радушием: яичница с салом, квашеная капуста, соленые грибы, отварной картофель, домашней выпечки ржаной хлеб... Мед в сотах! Графин с хлебным самогоном еще более усиливал аппетит и располагал к общению, заранее настраивая на лирический лад: не терпелось за столом услышать обещанный рассказ. Долго томиться не пришлось: после первой же рюмки, едва закусив, «медвежатник» неспешно и обстоятельно повел историю своего охотничьего форта. Чувствовалось: прикованное внимание слушателя доставляет ему удовольствие, лыстит честолюбию. Что ж тут поделаешь? «Немощны мы, ибо человеки...».

– Случилось это... Трудно припомнить когда точно, но гаджетов тогда еще и в помине не было. Даже и слова такого мерзкого никто не слыхивал. Зима, помнится, была малоснежная, да с морозами – земля потрескалась. Мои собаки все лапы в кровь ободрали по мерзлому чернотропу, так я их и брать перестал, – жалко. А какая без собак охота?! Ждем-пождем снега... Тут, помнится, на Николу встречаю егеря из соседнего района; мы с ним в приятельских отношениях, он запросто и поделился своими заботами. Появился, говорит, шатун на участке, да так озорничает – беда. Третьего дня задрал теленка на ферме, доярок выпугал. В деревне хозяйскую пасеку разметал, десяток домиков разорил. Больше набедокурил, чем попользовался. Детишки боятся в школу

ходить – а вдруг нападет? Надо бы организовать загон; лицензия имеется, поговори со своими охотниками да и приезжайте в субботу, нейтрализуем бродягу.

Я, по правде сказать, не то чтобы не поверил, но как-то насторожился, что ли... У нас медведь? Неслыханное дело! Главное, местность в том районе – полевщина, лесок клочками кое-где, а на ж тебе – шатун! Странно, есть над чем голову поломать: нет ли тут какого подвоха? Но виду не подал и пообещал обязательно обзвонить знакомых охотников кто поопытней и в субботу прибыть на облаву – готовься.

Застрельщиков набралось шесть человек. Да сам я седьмой – доброе число. С собой решили взять двух лаек, по медведю не притравленных, но злобных по кабану: все подспорье. В назначенный день выехали чуть заря, да видно кто соблазнился, «согрешил» перед охотой – на полпути «буханка» наша подломалась. То да се – с горем пополам добрались только к обеду. Ладно, и то хорошо, что не затемно. Матенков – так фамилия охотоведа – волнуется, переживает: приедут, нет? Да мы и сами все на нервах, «на измене» – не подвести б человека, нехорошо. Словом, в тот день засветло успели лишь следы разыскать (чуть припорошили землю) и лесок вокруг объехать – зверь на месте! И то сказать – зверь... Название! Следок с ладошку, по всему – муравейник. Не лончак-сеголеток, не перегодовой пестун, а именно молодой, не прибуравший, еще к парной дичинке не пристрастившийся любитель зорить муравьиные кучи в поисках доступного лакомства. Понятное дело, на таких харчах к зиме сала и на палец не нагуляешь, вот и рыщет по морозу, где бы чем поживиться: шатун и есть – ни кожи, ни рожи. Ну, не до перебора, какой есть: лиха беда начало. Ночевать к Матенкову...

Вынув пробку из графина, хозяин скомандовал полушутя, но тоном не терпящим возражений: «Ну, подставляй-ка, повторим. Между первой и второй... – не нами заведе-но, не нам и нарушать».

Он наполнил стопки, приподнял свою, приглянув последовать его примеру, и, произнеся банальное «Будем!», залпом ее осушил, одновременно довольно крикнув и недовольно поморщившись. Хитро поглядывая и сохраняя интригу, он некоторое время неспешно уделил закуске, как бы обдумывая дальнейший ход повествования, явно желая произвести впечатление не только заправского охотника, но и интересного рассказчика. Признаться, ему это удавалось. Через минуту-другую он продолжил:

– Дом – деревенская изба: после холодных дощатых сеней – передняя с русской печкой, через стенку – горенка с опрятными занавесками и геранями по окошкам. Нас и набилось полна горенка, как огурцов в кадушке, все с мороза да без обеда! Сам понимаешь, – окончательно и без лишних церемоний перешел на «ты» заметно захмелевший сказитель (много ли надо на старые дрожжи).

– Хозяйка, сухонькая женщина, скорей, даже старушка, мечется в легкой панике. Брови домиком – печать заботы: куда сидеть? как размещать? С божьей помощью все утряслось, кое как разместились за столом и на ночь места присмотрели: кто на кушетке плацкорт забронировал, кто на лавке, а кто и просто на полу на тулупчике, запросто, по-походному. В избе натоплено до дурноты, дышать нечем. Еще разулись. Такой тесной компанией редко собираемся: выставляли на стол выпивку, закуску у кого что есть. Хозяюшка подсутилась, давай чугунки из печи метать, гостей потчевать. Хлопочет, сердешная, угодить старается. Словом, не смотря что рано вставать, в тепле и уюте засиделись, заболтались... Все про медведей, да про медведей разные байки, одна другой занятней. Главное, никто косолапого в глаза не видывал, разве что в зоопарке, но вошли в раж, не остановишь: один про то, как в деревне мишка лесника поломал, другой – как знакомого охотника подстерег, обниматься полез. Хозяйка, слушая, все сердце порвала: то, губы поджав, головой качает, то руками

всплеснет. А когда услышала бедняжка, как неуклюжий и, вроде бы, добродушный вальень, нападаая, резким броском таранит человека, сшибая с ног, свирепо рыча кусает, мнет, ломает, рвет крепкими как сталь когтями, при этом нередко скальпирует свою жертву, сдирая кожу с затылка и заворачивая ее на лоб, на глаза... – то и вовсе ретировалась от греха, предпочла честной компании печную лежанку. Лишь за полночь, отяжелев, нехотя и мы улеглись по углам, угомонились. Матенков полез на печку, к своей старухе за занавеску.

Рука рассказчика радушно потянулась к графину, я покорно подставил свою стопку: грех обижать хозяина. Повествование ненадолго прервалось, чтобы через минуту оживиться на более эмоциональном уровне:

– Кто, задремав, похрапывал; кто ворочался, не мог удобно угнездиться на новом месте; кто тихонько выходил освежиться, покурить. За обоями скреблись мыши, лайки беспокоились на чужом дворе, настенные часы монотонно и бесстрастно приближали намеченный час общего подъема. Все это с некоторой натяжкой можно было назвать ночной тишиной, покоем. Но и в такой тишине без труда становишься невольным слушателем чужого, не предназначенного для постороннего уха разговора. Из-за печной занавески прослушивалась доверительная, полупешотом, беседа пожилых супругов.

– Матюша, – это старуха так Матенкова ласково по фамилии величала, – не ходил бы ты с ними завтра, поостерегся. Они, погляди – кровь с молоком, молодые, а ты? Горе ты луковое... Случись чего, мне ж с тобой и нянчиться, упаси Христос...

Старик тихонько прокашлялся сердито, но проявил выдержку, промолчал...

– Они, чуть что, убегут. А ты? Инвалид! – продолжила свое «ночная кукушка». – Не ходи!

– Вот что, Матрён. Я, ты знаешь, и на фронте не пасовал, за других не прятался. А тут? Подумаешь, медведь! Видали мы и медведей. Спи!

Но Матрёне не спалось, глубоко вздохнув, она отыскала веский, как ей казалось, аргумент своей святой правоты:

– Тебя ж не осудят, не попрекнут, голова! Ты свое сделал: людей собрал, зверя показал. Им без тебя еще и вольготней, без лишних глаз-то! Вот и сиди дома, неслух.

Тут старушка осеклась: муж, осерчав не на шутку, возвысил голос, забыв что печная занавеска не глухая стена:

– Что ж я, людей позвал, а сам в кусты?! Красиво, нечего сказать! Лес только я и знаю, никто больше. Пойду в загон! Все, не перечь, вставать скоро.

Увещевание подействовало: шепот прекратился.

Хоть и с тяжелой головой, на непривычном месте никому не лежалось: жарко, душно... Еще затемно, не включая света, охотнички раньше хозяев давай прежде времени подниматься, обихаживаться: кто «до ветру», кто попить, кто дымком отравиться – дело житейское. Боле и не ложились: погода не злая, со двора не гонит. Водитель в радиатор теплой водицы налил, двигатель прогревает; остальные топчутся вокруг, пошучивают, время коротают. Собаки нетерпеливо повизгивают, чуют близкий час охоты. Собрались все, ждем хозяина, которого все нет и нет. Наконец, скрипнув ветхими приступками у порога, вышел и он.

Это было явление. В журнале разглядывал я как-то репродукцию «Портрет партизана». Жалкая, я вам доложу, вещь по сравнению с тем, что предстало нашим глазам. Кроме служебного карабина за спиной, матюшино плечо оттягивала двустволка неслабого калибра; на поясе красовались ракетница в кобуре от револьвера и огромный охотничий нож, скорее даже тесак; за поясом – топор. Уместились и два подсумка с патронами. Нет гарантий, что старик не запаса предусмотрительно и гремучей гранатой, укрыв ее за пазухой от посторонних глаз. Красавец! Вот бы с кого портрет писать! Кажется, даже собаки притихли, оробев от столь грозного вида: Марс, бог войны! Не хватало рогатины

в руках. Если бы такой арсенал в свое время на Красную Пресню – царизм не продержался бы до семнадцатого года, пал раньше времени. Трудно было при таком зрелище сдерживать не только улыбку, даже смех.

Ну, потешились и за дело! До лесочка заветного рукой подать – пять минут езды. Уже и развиднелось. Для верности лесок еще раз объехали: выходного следа нет. С Богом!

Нужно отдать должное уменью Матенкова грамотно распорядиться охотой: краткий но содержательный инструктаж, расстановка по номерам, дельные указания что и как... Опыт! Сам егерь с собаками вызвался идти в загон, но не по едва приметному на легкой пороше входному следу, а с другой стороны, в обход. Учитывая излишки в амуниции, все довольно скептически оценили его как загонщика, но отговаривать не стали. Охота началась!

«Ну, наконец-то, вот она – наивысшая точка, апогей, кульминация!» – подумалось мне, пока рассказчик разливал хлебную в порыве закрепить наши неформальные отношения: от «Будем!» до брудершафта оставалось всего ничего. Как слушатель я явно пришелся ко двору: ни лишних вопросов, ни возражений. Вспомнилась знаменитая картина Перова, не хватало лишь третьего персонажа, с недоверием почесывающего в потылице. Как и предполагалось, последовало продолжение:

– Тут, я тебе доложу, знать надо что да как. Егерь хоть и выглядел – животики порвешь, а свое дело помнил. Незалегший в берлогу зверь, пусть даже и молодой, в силу инстинкта выживания становится зол, дерзок и коварен, подчас пренебрегая осторожностью и бдительностью. От такого можно ждать чего угодно, так что осмотрительность и страховка не излишни и вовсе не предосудительны. Стронутый медведь, почуяв опасность, все время прислушивается и принохивается по ветру и, едва заслышав шорох, шаги, голоса – немедля старается уйти, на махах покинуть место оклада. Если же оклад, или круг, велик и схорониться ему негде – медведь своим же следом отступает, идет в пяту. Именно

здесь, на пята – лучшее место для стрелка. Мне-то оно и досталось. Но выдержка должна быть – не шелохнись! Без малейшего шума, замерев, с заряженным ружьем наизготовку нужно терпеливо ждать своей удачи. А лес без снега, проглядывается насквозь. Напряжение максимальное: зрение, слух... У меня даже стих про это сложен. Припоминая, охотник на секунду зажмурил глаза, и стал негромко декламировать строки собственного сочинения:

Замри и стой, как на посту в секрете,
Весь превратившись в зрение и слух,
Забудь о вожденной сигарете,
Ты невидимка, временно ты дух.
Не суетись, дождись спокойно зверя,
С терпением превыше похвалы,
И, своему везению не веря,
На цель направь холодные стволы ...

«Ну, каково?» – как бы вопрошал пристальный и несколько надменный взгляд автора-исполнителя. «Браво! Браво! – искренне похлопал я в ладоши. – Да это, кстати, и на тост похоже!» Мы чокнулись. Дождь перестал, но нам до этого уже не было никакого дела: с каждой паузой в рассказе наши души не только сближались, они рождались. Получив новый толчок, наше ничем не опечаленное беседословие продолжилось:

– Дальше все как по маслу: лайки – как сейчас помню – Вьюн и Змейка сработали, погнались мишку в пята, как и предполагалось. Не подвел и загонщик: пошел ершом, пальбой и диким голосом распугал всю округу без всяких там кричан.

Зверя я заприметил загодя, успел изготовиться. Врять не стану, нервы все же сдали: от волнения и сердце дрожало, и руки тоже. Но ни осечки, ни промаха – второй выстрел не понадобился, с тридцати шагов первым! Так что совесть чиста и покойна. Вообще

получилось все как-то неправдоподобно быстро, самому не верилось, как во сне. И никакого подвоха, все чисто. На голос собрались товарищи, поздравляют. Зверь и впрямь оказался невелик, оно и по шкуре видно, но и не такой уж тощий: освежевав, даже нутряной жирок запасли. Развели костерок, общаемся... Вдруг – выстрел вдалеке; раз, другой. Кинулись – а захоперщика-то и нет! Где Матенков? Мы уже и из фляжки «на кровях», и мяско какое ни есть поделили, а «красный партизан» в кругу знай патронов не жалеет да горло дерет. Насилу дождались скитальца, дольше ждали, чем охотились. Да, вот еще казус: на следующий день ко мне тогда корреспондент из местной газеты приехал, интервью взял, сфотографировал на фоне добытой шкуры. Вышла заметка под заголовком «Шатун» и с моим портретом. Ребята газету как увидели... В общем, абсурд: что меня Анатолием Сергеевичем зовут уж никто и не помнит.

Повесть окончилась, графин опустел, хлебная возымела свое действие. Анатолий Сергеевич, сам изрядно пошатываясь, заботливо помог мне встать и проводил до дивана. Наутро мы расстались друзьями.

***

Через полтора месяца я за пазухой принес домой щенка. По-детски неуклюжий, с мощными передними лапами и куцым пока еще хвостиком, упитанный малыш умильно смахивал на забавного медвежонка.

– Шатун! Шатун! – поманил я маленького новосела, пододвигая мисочку с молоком. Потешно виляя задом, шаткой неуверенной походкой тот подошел к миске и... неловко опрокинул ее.

– Ну, бродяга! Больше набедокурил, чем попользовался. Шатун и есть! – незлобиво пожурил я своего будущего помощника в охотничьих скитаниях.